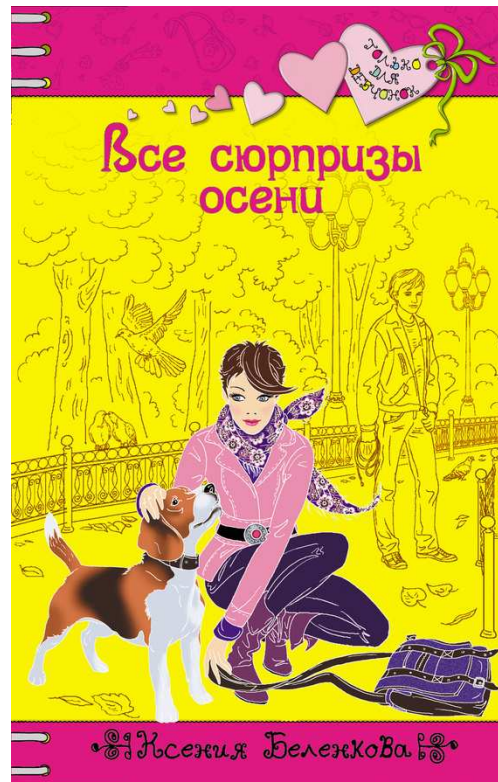

Ксения Беленкова
Все сюрпризы осени
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953435

Поцелуи под дождем. Романы о любви для девочек : повести: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58318-8

Аннотация

Алиса Лисицына не хотела становиться хулиганкой. Но внезапно именно это с ней и случилось! Во всем виновата сумасшедшая осень – переезд в другой район, новая школа, короткая стрижка... Не успела Алиса оглянуться, как из примерной пай-девочки превратилась в настоящую грозу класса. Еще бы! В первый же день она поссорилась с местной красавицей, подружилась с чудовищем и влюбилась в парня этой самой красавицы... Что же теперь делать? Сказать, что пошутила, и снова стать серой мышкой? Ну уж нет! Ведь никогда прежде ей не было так весело!

Ксения Беленкова

Все сюрпризы осени

– Ну, ладно, – покровительственно улыбнулась Катя. – Сейчас я вас немножко развеселю. Сейчас я вам мою любимую сбацаю...

Карен Шахназаров
«Курьер»

Жил на свете козел,
Не удав, не осел,
Настоящий козел,
С седой бородой!
Ме-е!

Слова песенки из старого фильма так и прыгали в моей голове. Я поддевала носами потрепанных кед золотые монеты березовых листьев – в этом году осень накатила ранняя, рыжая, как лисий хвост. Москву окунули в охру: взъерошенный город щетинился и стряхивал с себя брызги листьев. Вот и мне жутко хотелось выкинуть что-нибудь эдакое! Все вокруг менялось, только я оставалась прежней: послушная девочка, отличница, помощница мамы, гордость отца. Но такое чувство, что сама где-то потерялась. И все это лишь маски, которые навесили на меня близкие.

Несколько дней назад мы всей семьей переехали в новый район. С тех пор мне все время кажется, что я забытая на старой квартире сумка. Не могу найти себя – и все тут!

Помню, как съезжали из дома. Папа и мама носились вокруг грузчиков озабоченные и нервные. Грузчики ползли по лестнице, как улитки – томно и медленно, выпучив глаза. Брат пытался руководить процессом, пока папа не отвесил ему подзатыльник:

– Давай, Денис, сам крутись!

И Дэн тоже закрутился: стал прыгать через улиток-грузчиков с тюками. А мы с мамой контролировали сохранность хрупких и ценных предметов.

– Осторожнее с картинами! – кричала мама.

– Книги не рассыпьте! – вторила я.

В это время где-то раздавался звон побитых бокалов.

Потом, помню, мы долго колесили по городу, застревая на светофорах и вдыхая выхлопные газы. Когда я вылезла из машины возле нашего нового дома, земля качалась подо мной, и казалось, что целый век я не смогу всунуть в рот ни крошки. Уже ночью, сидя на чемоданах, мы жадно лопали заказанную пиццу и смотрели в окно. Ночь на северо-западе Москвы казалась мне неотличимой от ночи на востоке. Все детство я провела рядом с Измайловским парком, теперь же возле дома раскинулся Серебряный бор.

Меня никто не спрашивал, хочу ли переезжать, менять школу, расставаться с одноклассниками. Но и это не самое страшное. Страшнее было то, что я сама вовсе не могла понять, рада ли этому переезду. Выходит, я дожила почти до пятнадцати лет (осталось-то всего ничего – меньше полугода) и до сих пор не знаю: кто же такая Алиса Лисицына.

– Алька, ты просто золото! – говорила обычно мама, понимая, что я иду на золотую медаль.

– Алька, ты чудо-хозяйка! – говорил папа после того, как я убиралась в квартире.

– Алька, ну ты даешь! – говорил Денис, проигрывая мне в теннис.

Я же теперь ничуть не была уверена в том, что мне нужна эта золотая медаль, что хочу стать домохозяйкой, да и зачем мне спорт? Вот и зависла где-то между прошлой понятной жизнью и новой – где все было другое, и я старая в нее никак не вписывалась...

Желтые листья летели из-под ног, я бродила по незнакомым улицам, пытаюсь разглядеть саму себя. Вот топают мое отражение в витрине – кеды, джинсы, майка, тугой хвост на затылке. Я остановилась и подошла ближе к стеклу: девчонка как девчонка, каких миллионы. Я приставила большой палец к носу и покрутила пятерней. Отражение показало мне язык.

– Чего обезьянничаешь? – грозно пробурчала сушеная старушка с сумкой на колесиках. – Приличная девушка – и такими вещами занимается!

Старушка, которая могла бы поместиться в своей сумке, недовольно потрясая головой, прошла мимо. А я так и стояла с высунутым языком, провожая ее взглядом. Как она сказала? «Приличная девушка»? Пожалуй, и правда, только бантика на хвосте не хватает – вылитая отличница. Я пошла дальше, искоса наблюдая за собой в витрине: «приличная девушка» топала смирно, лишь один раз, кажется, покрутила пальцем у виска. А вокруг моего отражения висели чьи-то портреты. Разные модные красотки надували губы и щурили глаза, а прически у всех были немыслимые – где начес с дом, где разноцветное сено копной. Только тут я поняла, что это витрина парикмахерской. Меня всегда стригла мама, в парикмахерской я не была ни разу. Да и что там стричь? Расчешет, подровняет на уровне лопаток – и вперед. Коса или хвосты с бантами. Сейчас хоть банты переросла, а так – все одно и то же, сколько себя помню.

Я несколько раз скрутила пальцами свой хвост жгутом, потом залезла в кошелек, пересчитать карманные деньги. Их было достаточно. Резинка с хвоста полетела в урну, а я открыла дверь парикмахерской.

В помещении пахло шампунями, гелями и мокрыми волосами. Симпатичная девушка с двухсантиметровыми ногтями вписала меня в какую-то тетрадь и проводила к свободному креслу. Там ко мне подскочила пожилая дама с молодежной стрижкой и серьгой в носу.

– Вечернюю укладку? – спросила она, перекидывая мои волосы из одной руки в другую.

– Стрижку! – отрезала я.

– Каскад? – насторожилась парикмахерша. – Лесенку?

– Короткую и модную.

Пока парикмахерша мыла мне голову, я выслушивала ее вздохи по поводу моих длинных волос: мол, не жалко ли расставаться? А я и не знала, жалко или нет. Знала лишь одно – мне надо это проверить во что бы то ни стало! Потом я наугад ткнула пальцем в какую-то стрижку из журнала и зажмурилась. Волосы падали на пол. Магнитофон пел голосом Петра Налича. Моей голове становилось все легче и легче.

– Можешь открывать глаза, трусиха! – услышала я минут через сорок. – Вроде даже ничего так вышло...

Я открыла глаза. Из зеркала на меня смотрел смущенный паренек, в котором я не сразу опознала себя. Длинная челка спадала на лоб, остальные же волосы были совсем короткие. Маленькие золотые сережки смотрелись теперь в ушах каким-то антиквариатом. Зато лицо приобрело задорное выражение. Я смахнула челку в сторону – и мне это понравилось! Волосы снова непослушно прикрыли один глаз. И я поняла, что обрела совершенно новое, абсолютно бесполезное, но при этом чудесное занятие – убирать челку с глаз.

– Не нравится? – с тревогой спросила парикмахерша.

– Очень нравится! – удивилась сама себе я. – Спасибо!

Из парикмахерской я выскочила легкая, как майский пух. Тугой хвост не сковывал затылок, жизнь казалась совершенно удивительной. Я посмотрела на свое обновленное отражение и скорчила ему смешную гримасу.

– Хулиганка! – бросил хмурый прохожий.

И мне впервые после переезда показалось, что все на своих местах!..

Домой я вернулась под вечер. Папы, как обычно, еще не было. Денис сидел в наушниках за компьютером. Мама рисовала. Я прокралась к себе незамеченной. Еще не все вещи были до конца разобраны, но шкатулку с украшениями я нашла сразу. Аккуратно вынула из ушей маленькие золотые сережки и убрала в коробочку. А затем достала крупные бижутерийные серьги, которые мне привезла из Индии одна мамина подруга. Серьги были красивые, яркие, только никак не вязались с моим прежним образом, поэтому лежали в глубине шкатулки новенькие, ни разу не надеванные. Пришло их время! Я покрутилась у зеркала – теперь оттуда выглядывал не смущенный паренек, а смешная девчонка. Определенно, мне она нравилась!

В комнату заглянула перепачканная акрилом мама, даже не посмотрев в мою сторону, она крикнула:

– Ужинать! – и резво отправилась на кухню.

Пришла пора выбираться из укрытия и выносить свой вид на семейный суд. Хорошо, что после переезда мне не приходилось делить комнату с Денисом, а мама заполучила долгожданную мастерскую. Но встречаться приходится даже в такой большой квартире – деваться некуда.

Когда я вошла на кухню, мама раскладывала по тарелкам домашний лососевый пирог. Денис уже успел откусить кусок от своей порции и, увидев меня, закашлялся. Я с невозмутимым видом сдула с глаза челку и стала ждать бурю.

– Алька, что ты с собой сделала! – мама не донесла очередной кусок пирога до тарелки. – Где твои волосы?

– В парикмахерской, – я осторожно села к столу.

А мама начала скакать вокруг меня, стараясь разглядеть каждую оставшуюся волосинку. В конце концов, потрепав мою челку, она резюмировала:

– А знаешь, неплохо! Свежо, молодежно, – и, немного помолчав, добавила: – Может, и мне такую стрижку сделать, а?

В этой семье никогда не знаешь, чего ждать. Была уверена – скандала не миновать. Мама так носилась с моими волосами, будто это был неприкосновенный семейный капитал. А выходит, отрезала, и вышло «свежо». Мама уже вынимала спицы из своего пучка и пыталась забросить волосы себе на лоб, чтобы вышла челка.

– Нет, мне уже поздно проводить такие эксперименты, – засмеялась она.

Волосы мягкими кудрями рассыпались по ее плечам, и я подумала – какая она у нас молодая и красивая! Даже лазурное пятно краски на носу удивительно шло к ее глазам.

– Прикольно выглядишь, Алька! – сказал Денис, справившись с куском пирога. – И не скажешь, что девочка-пай.

– Но что скажет папа? – мама нахмурилась. – Ну да ладно, что-нибудь придумаем. Сегодня он все равно придет поздно.

И мы втроем стали уплетать пирог – давно он не казался мне таким вкусным. И даже на секунду почудилось, что вечер на северо-западе чуть лучше, чем на юго-западе. Вдали за окнами качались деревья, где-то гудели машины, город вдыхал через форточку запахи нашего ужина и довольно урчал.

– Сегодня вам надо пораньше лечь спать! – встрепелась мама. – Мы с папой все устроили, завтра вы идете в новую школу. И так уже первую неделю пропустили. Пора, братцы-кролики, браться за ум.

Мы с Дэном сосредоточенно отхлебывали чай. Не сказать, что школа была для нас чем-то страшным – проблем с этим никогда не было, но кто ж предпочтет гранит знаний

беззаботному отдыху? Денису вот последний год остался, а мне в новой школе еще целых три трубить. Меня ждал незнакомый класс, но вся штука в том, что и прежняя школа так и не стала мне родной. По сути, я без сожаления рассталась с ней. Пятерки сыпались в журнал, я почти не отрывала глаз от учебников. Кого спросить, когда класс молчит? Лисицыну! Кого поставить всем в пример – Лисицыну! А как показывал опыт, с «примерами» обычно не дружат. Да и меня как-то не очень интересовали одноклассники с их глупыми обсуждениями сериалов, учителей и друг друга. А может, я убедила себя в том, что они глупые? Теперь уже не разберешь. Факт оставался фактом – друзей в старой школе у меня не было. Скорее всего, не будет их и в новой – так что бояться нечего...

* * *

Утром, накидывая ветровку, я по привычке попыталась убрать копну волос из-под воротника. Нет, теперь и я новая, а не только место жительства. Хотя квартира уже несколько дней казалась мне своей – будто я здесь всю жизнь провела. Бывает, приедешь на новое место, и все выглядит непонятным, странным. Но проходит ночь, и, проснувшись, ты ощущаешь себя дома. Видимо, во сне над нами колдуют домовые, не иначе!

– Я тут с одним парнем договорился возле школы встретиться, – сказал мне в лифте Дэн. – Мы во дворе на днях познакомились, оказывается, я буду учиться с ним в одном классе!

– Здорово, – сказала я.

Денис всегда легко сходилась с людьми. Видимо, это у него от папы.

– Но если хочешь, провожу тебя до класса, а? – брат щелкнул меня по носу. – Ну и смешная же ты с этой стрижкой, умора!

– Сама дойду, – отмахнулась я.

Школа находилась совсем близко от дома, старое красное здание утопало в разноцветной листве, как роза в букете полевых цветов. Возле забора Дениса окликнул какой-то мальчишка, и брат, помахав мне рукой, отчалил.

Я двинулась к школе, отыскивать класс, где расположился мой восьмой «А». И так загляделась по сторонам, что не заметила, как налетела на какую-то девчонку.

– Парень, куда прешь! – прошипела она.

– Прости, – я попыталась поднять с земли папку, которую девчонка выронила при столкновении со мной. – Но я не парень.

– Буду еще разбираться, кто ты, – девчонка вырвала у меня из рук свою папку.

Листы бумаги разлетелись по школьному двору, как белые птицы.

– Хулиганка! – вопила хозяйка папки. – Глаз нет, руки кривые. Нет, она издевается надо мной!

Во второй раз за последние два дня меня окрестили «хулиганкой». Девчонка сверкала подведенными глазами, ее рыжая шевелюра развевалась вокруг головы, как львиная грива. Несомненно, она была красоткой, но такую красоту следует держать в клетке, подумала я. И мне как-то совсем расхотелось ей помогать. Пока рыжая подбирала очередной листок, я тихонечко посемила к школе.

После этой неприятной истории я с испугу забрела не в тот коридор и нашла нужный мне класс уже после звонка.

– Это восьмой «А»? – спросила я, просовывая нос в дверь.

– Новенькая? – строго спросила учительница.

– Угу.

– Лисицына?

– Я.